

А
Л
Е
К
С
Д

ПРИЗРАКИ
Риски

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Офсайд

Алекс Д

Призраки Орсини

«Алекс Д.»

2017

Д А.

Призраки Орсини / А. Д — «Алекс Д.», 2017 — (Офсайд)

ISBN 978-5-5320-9810-7

Я давно разучился испытывать страх. Я жил по четко установленным планам и правилам, не позволяя себе жалости и сострадания, не думая о других. Я научился не чувствовать и гордился своей непробиваемостью. Я считал себя не убийцей, а победителем, который делает то, что должен, пока одна юная девушка не показала мне мое истинное лицо. Она стала моим оазисом, мгновенным, как мираж, прекрасным, как мечта, и той самой слабостью, которую я не мог себе позволить. Внимание! 18+ Книга содержит нецензурную брань и сцены насилия.

ISBN 978-5-5320-9810-7

© Д А., 2017
© Алекс Д., 2017

Содержание

Пролог	6
Часть 1	10
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Серия «Офсайд»

Пролог

*«Удивительно, что может сделать один луч солнца с душой человека!»
Достоевский.*

Никто не хотел бы оказаться здесь в эту минуту даже в качестве стороннего наблюдателя. И я сам... Но есть что-то внутри меня, взывающее к тому, что произойдет дальше. Я не могу сопротивляться, потому что знаю – после, меня ждет период сравнительного покоя. Однажды, когда не останется мишеней, я смогу жить, не оглядываясь назад.

Я открываю металлическую дверь бункера и уверенно захожу внутрь, оставляя свою охрану снаружи. Мне не нужны свидетели того, что я собираюсь сделать. Но им придется «прибрат» за мной. Мои люди давно научились ничему не удивляться и держать рот на замке. Все в этом мире, включая преданность и молчание, можно купить. Вопрос исключительно в цене.

Я не чувствую волнения. Всплеск адреналина внутри и мрачное предвкушение. Я хочу быть здесь, нуждаюсь. Мой собственный алтарь неизвестному Богу, с которым мне однажды придется встретиться лицом к лицу, но я не раскаюсь. Не потому, что у меня нет совести, просто уровни веры и понимание справедливости у всех разные. Как и обстоятельства, которые приводят нас к тому или иному мировоззрению.

Яркий свет вспыхивает в замкнутом пространстве, пропитанном страхом человека, подвешенного за руки к железному крюку, свисающему с потолка. Жирная, воняющая потом человеческая туша. Брезгливо морщусь, делая пару шагов в сторону узника, взирающего на меня налитыми кровью, безумными глазами. Я прошу не завязывать им глаза. Они должны видеть кто приходит, чтобы забрать их мерзкие души. Но я не оставляю права на последнее слово. Я прихожу сюда не разговаривать. Однажды, я уже говорил с ними, может быть, даже умолял... Многих из них я практически забыл, их лица стерлись из памяти, что не отменяет совершенного ими.

Мужчина отчаянно дергается, натягивая цепи на запястьях, усугубляя свои мучения. Ноги не достают до пола, и я подозреваю, что за те несколько часов, что он висит здесь, надежды на освобождение у него не осталось. Хотя, кого я пытаюсь обмануть? Надежда есть всегда. Мы все цепляемся за жизнь, даже когда слышим звук щелчка предохранителя перед выстрелом. За секунду до собственной смерти, мы верим, что чудесное спасение придет, и оно действительно приходит. Ибо сама смерть является спасением... от жизни.

Я останавливаюсь в трех шагах от подвешенного, с отвращением окидывая его взглядом. Задранная рубашка с пятнами пота, жирный голый живот и брюки, со следами пережитого ужаса. Пара часов в крошечной темноте, и этот герой, который искренне считал, что держит мир в своей липкой ладони с толстыми пальцами, униженными перстнями, обоссался от страха. Жалкое, воняющее зрелище. Он что-то пытается мычать в свой кляп, но я знаю все, что они хотели бы сказать. Деньги, выкуп, банальное «за что», «меня ищут» и так далее. Уверен, что обоссавшийся урод не понимает, почему оказался здесь, не узнает меня, и я не собираюсь посвящать его, напоминать о преступлениях, которые он таковыми не считает.

Я мог бы нанять людей, которые сделают за меня грязную работу, именно так поступал Генри Лайтвуд, моя основная и поверженная мишень, которая давно гниет в могиле. Мне же необходимо видеть глаза приговоренного, видеть все грани боли и отчаянья, видеть, как последняя искра жизни уходит, оставляя застывшее недоумение и страх.

Я всматриваюсь в его лицо, пытаюсь вспомнить, но получается с трудом. На момент нашей с ним «встречи» мне было пятнадцать лет, и я постоянно находился под действием наркотических веществ. За полгода, которые я провел в притоне в Германии, таких, как этот жирный немец, уверенный в своей неуязвимости и безнаказанности, было немало. Мне «повезло», что владелец борделя, ныне покойный Штефан Зальцбург, вел отчетность, куда кропотливо

вносились вымышленные, разумеется, имена клиентов и их «заказы». Найти того, кто указан в списке под кличками, вроде «Терминатор», «Цезарь», «Дракула» и «Пахарь» оказалось сложной задачей, но, как я уже говорил, финансовые возможности и связи помогают справиться с любой проблемой.

Итак, передо мной «Пахарь». Могу сказать со стопроцентной уверенностью, что свое он уже «отпахал». Я не судья, чтобы выносить приговор, но я тот, кто когда-то просил его о пощаде. И, наверное, есть своеобразная справедливость в том, что сейчас я не дам ему права голоса, ни единого шанса избежать наказания.

Я не судья. Я – палач. И у меня нет ни капли сострадания. Ни грамма неуверенности. Ни единого сомнения в том, что я делаю.

«Пахарь» мычит в кляп, дергаясь своим толстым, лоснящимся от пота, телом. Последний рывок, агония перед забвением, которое подарит ему моя «милосердная» рука.

Я не говорю ни слова, доставая из правого кармана пиджака пистолет, а из другого – шприц. Слова будут лишними в наших недолгих отношениях. Это последний выбор, который я даю уродам, перед тем, как отправить их к праотцам.

Чаще всего, они выбирают шприц, на что-то надеясь. Но выбор неверный... хотя, мне нравится их долгая и болезненная агония.

«Пахарь» удивил меня, задержав взгляд на пистолете. Что ж, я не против. Яд в шприце приберегу для следующего... Я уже знаю, кто это будет. Подхожу ближе на шаг, резко срывая полоску скотча со рта жирного ублюдка, и когда он собирается заорать в полный голос, вставляю в рот дуло, и нажимаю на курок. Хлопок выстрела и хриплый вопль, дергающегося в предсмертных конвульсиях, тела разносится по замкнутому пространству. Я закрываю глаза, бросая пистолет на залитый мочой и кровью пол.

Плюс один призрак к моей коллекции.

Когда-нибудь настанет и мой час. И все они придут, чтобы посмотреть мне в глаза, пока я буду делать свой выбор.

Но если я окажусь в подобной ситуации, я точно знаю, что выберу шприц. Я хочу понять, что чувствовал Генри Лайтвуд перед тем, как подохнуть. Хочу побыть в его шкуре, пропитаться его болью. Единственная смерть, которая не принесла мне удовлетворения – это убийство Лайтвуда. Он запустил цепную реакцию, несмотря на то, что мой ад начался не с него. Может быть, причиной неудовлетворения казнью Лайтвуда стало то, что палачей было двое, и я не смог насладиться моментом в полной мере, разделив его с еще одним заклятым врагом Генри Лайтвуда – Джейсоном Доминником.

А он мог стать одним из моих призраков... *Доминник*. Но наша общая ненависть к Лайтвуду сделала нас почти братьями. Когда ты делишь с кем-то смерть – это незабываемая и прочная связь.

Бросаю последний взгляд на обвисшее тело «Пахаря», слушая как монотонно капают капли крови в лужу под ним.

Смерть никогда не бывает красивой, но то чувство, с которым я покидаю бункер... оно почти прекрасно.

С улыбкой выхожу на воздух, не закрывая за собой дверь. Через полчаса ни единого свидетельства пребывания «Пахаря» в бункере не останется. Он исчезнет на какое-то время, а потом его тело найдут где-нибудь, далеко от Нью-Йорка. Очередное нераскрытое дело.

Неспешной походкой направляюсь в сторону бронированного внедорожника. Сажусь на заднее сиденье, сообщая водителю маршрут. Неосознанно, мои пальцы дотрагиваются до циферблата часов на запястье, и, отрывая взгляд от мелькающей панорамы за окном, я смотрю на них почти с раздражением. Единственная вещь, которую я взял с места преступления.

Больше года назад, я снял часы с остывшего трупа Лайтвуда, и каждое утро надеваю на свое запястье, как напоминание того, что мой главный враг повержен.

Acta est fabula. «Пьеса сыграна» – гласит надпись на часах.

Мне хотелось в это верить, когда я планировал казнь Лайтвуда, но ничего не закончилось. И, может быть, не кончится никогда, пока я не убью каждого из списка, который вел Зальцбург, и пока на пути будут попадаться люди, нарушающие мои планы.

Через полчаса внедорожник въезжает на территорию моих частных владений, которые я приобрел сразу после гибели Генри. Не такие огромные, как те, в которых я жил во времена Лайтвуда, но зато абсолютно безопасные. Еще пару минут по внутренней территории и автомобиль тормозит на парковке перед трехэтажным белым жилым зданием с большими окнами. Я люблю уединение и много света. Очень много солнечного света.

Дом встречает меня тишиной. Еще бы – глубокая ночь. В воздухе витает едва различимый цитрусовый аромат женских духов.

Сбрасываю пиджак на диван в гостиной, направляясь к лестнице, которая ведет на спаль- ный этаж. По дороге снимаю галстук, вдыхая, наконец, полной грудью.

Толкаю вторую дверь по коридору, и оказываюсь в погруженной в уютный полумрак спальне. Андреа оставила включенным ночник возле кровати. Невольная улыбка трогает мои губы, когда я замечаю рядом со свернувшейся калачиком девушкой раскрытый учебник. Я совсем забыл, что у нее завтра экзамен. С ума сойти, связался с ребенком. Лайтвуд, все-таки, пустил во мне ростки своего безумия. Не понимаю, как так вышло. Видимо, сестры Памер обладают особой притягательностью для таких матерых хищников, как я и Джейсон. Как иначе объяснить происходящее?

Сажусь на край кровати, глядя на ее умиротворенный профиль. Вот кого не мучают кош- мары. Она свободна от прошлого и призраков. Протягиваю руку, чтобы убрать локон, упавший на лицо, за маленькое аккуратное ушко, но застываю, заметив брызги крови на белоснежной манжете. Одергиваю пальцы, не смея прикоснуться к Андреа. Внутри нарастает напряжение и тяжелое ощущение неправильности происходящего.

Она не должна здесь быть, а я не должен прикасаться к ней.

Не здесь и не сейчас, когда мои руки пахнут кровью.

И именно по этой причине бесшумно покидаю спальню, закрывая за собой дверь.

Спускаясь на кухню, сталкиваюсь со своим дворецким, которого ненароком разбудил своим поздним появлением.

– Андреа больше не пускать. Передайте ей, что я уехал в Европу. Когда вернусь – неиз- вестно, – отдаю я уверенный приказ. – И, если она спросит, домой я сегодня не возвращался.

Автомобиль везет меня в гостиницу, где заблаговременно забронирован номер на такой вот случай. Не знаю, какого черта однажды пообещал Андреа, что она может приехать ко мне в любой день и в любое время, если ей захочется спрятаться от мира, от проблем или просто меня увидеть. Когда вчера она приехала утром, застав меня за завтраком, я не смог ее выгнать. Дреа выглядела такой хрупкой, несчастной, потерянной.

– Сегодня год, как мы похоронили Марию, – прошептала она, бросая на пол рюкзак с учебниками. – Не могу пойти домой. Там родители... Мне до сих пор кажется, что я виновата в чем-то.

Синие глаза, наполненные слезами, с мольбой уставились на меня, словно я мог помочь ей чем-то, утешить. Хреновый из меня утешитель, если честно.

– Кофе будешь? – спросил я первое, что пришло в голову.

– Угу, – шмыгнув носом, кивнула Андреа.

– Сама сварись, мне нужно бежать.

И я уехал, чмокнув ее в кончик холодного носа на прощание, заметив обиженное выра- жение в глубине глаз.

Я торопился пополнить список своих призраков, а она хотела оплакивать со мной ту, которая могла бы быть в их числе...

Похороны – именно с них началось наше знакомство с Андреа. Наивная, маленькая дурочка. Хотя заочно я узнал ее гораздо раньше, от Марии Александры Памер, старшей сестры Дреа. Не знаю, в какой момент мне пришла в голову идея использовать Андреа, чтобы заставить Лекси Памер играть по моим правилам, и был ли в этом хоть какой-то смысл. Без сомнения, я мог надавить на Лекси разными способами. Сломанная Джейсоном, она была легкой мишенью. Но я выбрал способ, который мне нравился больше, потому что... черт побери, мне понравилась малышка Андреа. И то, как она смотрела на меня в тот самый первый день, когда после похорон друга семейства Памер, я вызвался подвезти Андреа и ее мать домой. Я сидел за рулем – редкое удовольствие, которое я позволяю себе, когда хочу смешаться с толпой. Она сзади, во всем черном, с простой детской косичкой, бледная, заплаканная. Я даже внимания на нее особого не обратил. Девочка и девочка. А потом в зеркале я встретил ее взгляд, и чуть управление не потерял, словно затерявшись на время в бескрайней чистой синеве.

Я много взглядов видел. Разных. Презрительных, завистливых, похотливых, ненавидящих, умоляющих. Я десятки раз смотрел в глаза смерти, и давно перестал удивляться многообразию эмоций в расширившихся зрачках. Но Андреа смотрела на меня иначе. Как никто и никогда. Искренне, не скрывая своего потрясения и восхищения. Словно я был чем-то сверхъестественным, и она никак не могла наглядеться, оторваться от меня. Так девочки-подростки смотрят на своих кумиров, обожая их и боготворя.

И знаете... мне это понравилось.

Я бы хотел слукавить и сказать, что во мне выиграло тщеславие, но на самом деле все было не так. Я захотел ее с того первого перекрестного взгляда, и ее наивная доверчивость решила дальнейший ход событий. Мне даже делать ничего не пришлось.

Она сама вела себя к краю пропасти. А потом прыгнула...

Но там внизу ее ждала не бездна, не смерть.

Я.

Часть 1

«Нет противостояния, нет войны между добром и злом, черным и белым, нет вражды. Это все есть наш мир, это все те, кто помогает этому миру двигаться вперед и вверх, развиваться, находить новые пути, познавать и учиться, созидать. Потому как, пока человек не упадет, он не встанет. Пока человек не умрет, он не поймет, что такое жизнь. Пока человек не спустится в Ад, он не поднимется в Рай.»

©

Глава 1

Год назад

Моей первой женщиной была... я не помню ее имени. Но первой, которая оставила определенный след в душе стала Мирель Фармер. Французская актриса, которая была старше меня на семь лет. Семнадцатилетний подросток – я влюбился в нее без памяти, и, наплевав на грозящего мне жестоким наказанием Лайтвуда, пустился во все тяжкие, колеся за ней по миру, как ручная собачонка. Ей льстила моя влюбленность, и я не скупился на подарки. Что преобладало в ее благосклонности ко мне – моя страсть или финансовые поощрения? Я так и не узнал. Но тогда, ослепленный новыми чувствами я не был способен думать и анализировать. Просто жил, дышал. Был счастливым. Недолгое время, но по-настоящему был счастливым. Я благодарен ей за те несколько месяцев, а вот она, если бы была сейчас жива, предпочла бы никогда меня не встретить.

Моей вины не было, – скажет сторонний наблюдатель, но это неправда. Она будет первым призраком, который придет, чтобы взглянуть в мои глаза, когда я буду подыхать. Я не мог не понимать, что подвергаю ее опасности, не думая о последствиях нашей связи. Лайтвуд не из тех, кто дает пустые обещания. Я тогда принадлежал ему. Целиком и полностью. Личная игрушка, которая вышла из-под контроля. Именно я спустил пса с цепи... Хотя, в глубине души, я надеялся, что мой роман откроет глаза Лайтвуду на то, что я не тот, кого он хочет видеть рядом с собой, что я вырос, переступил рубеж возраста, после которого извращенцу, вроде него, становится неинтересно, и он может искать другие развлечения... Но сукин сын был удивительно постоянен в своем пристрастии ко мне.

Однажды, мы с Мирель остановились на пару недель Милане, где она снималась в эпизодической роли. Было как обычно – весело, безумно и бездумно... Мы много гуляли, спустили деньги в казино, болтались по клубам. Мне кажется, что ни одного дня из нашего романа мы не провели трезвыми. Свобода имела аромат виски и марихуаны. И терпкий, приторно-сладкий запах духов Мирель.

Но только немного позже, я познал настоящий аромат свободы.

В один из наших сумасшедших вечеров, я отправился в бар за выпивкой, оставив Мирель в номере, а вернувшись, нашел ее в ванной... с перерезанными венами. Ярко-алая вода переливалась через край и лилась мне под ноги розовыми ручьями.

Я смотрел на ее неестественно застывшее лицо, перекошенное гримасой ужаса, на посиневшие руки, безвольно свисающие с краев ванной. Уродливая. Та, которая еще полчаса назад казалась мне прекрасной и соблазнительной, когда извивалась подо мной. Открыв бутылку, я сделал несколько глотков, пытаясь перебить противный привкус во рту, но не помогло.

К потолку поднимался пар, и я задыхался от едкого запаха крови, который стоял в воздухе. Волна тошноты подкатила к горлу, я с трудом сдержал рвотный порыв. С губ сорвался нервный смех, когда я вытер губы рукавом рубашки.

Аромат свободы.

С тех пор, он всегда ассоциировался у меня с кровью и смертью.

Я вышел из гостиницы, шатаясь, словно пьяный. Но я и был пьян, по пути выпив почти всю бутылку. Никто меня не остановил. Никто бы не осмелился тронуть личного питомца Генри Лайтвуда, человека, который держал в руках почти весь этот гребаный мир.

Возле парадного входа меня ждал черный Бугатти, и я уже знал, кто внутри.

– Я предупреждал тебя, Дино, но ты все равно ослушался. Теперь ты понимаешь, что твое упрямство может стоить кому-то жизни? – спросил меня Лайтвуд, когда я сел на заднее сиденье. Его липкая, мерзкая ладонь коснулась моего лица. Я дернулся, но он пальцы

не убрал. – Мой любимый мальчик. Я так скучал по тебе. Обещаю, что больше не причиню тебе боли.

– Ты всегда так говоришь, Генри, – холодно отозвался я, допивая остатки виски, не глядя в отвратительное лицо убийцы женичины, в которую, мне казалось, я был влюблен.

– Ты должен закончить образование, а не бегать от меня по всему миру. Тебе нужно учиться, чтобы я мог сделать из тебя человека.

– Человека? – хрипло рассмеялся я. – Господи, Генри, ты еще безумнее, чем я думал...

Именно тогда, в автомобиле, по дороге в аэропорт, у меня родился план, как я уберу Генри Лайтвуда из своей жизни. Я сделаю это красиво и в тот момент, когда он не будет ожидать от меня предательства.

Позже, в прессе распространили слух, что Мирель была наркоманкой и умерла от передозировки. Другие источники все же указывали, что актриса покончила с собой. Но ни в том, ни в другом случае ее смерть никак не связывали со мной. Словно нас и не видели вместе сотни, тысячи глаз, пока я мотался за ней по разным странам.

Оглядываясь назад, я понимаю, что, на самом деле, часто сам напрашивался на проблемы, с которыми потом пытался справляться. Я часто влюблялся, и каждый раз терял голову. Наверное, необходимо было извлекать уроки, а я хотел жить. Так отчаянно хотел жить... Забыть обо всем, в омут с головой. Все эти лавстори с плохим финалом были мне нужны, жизненно необходимы, как своеобразный укол обезболивающего, чтобы забыть о том, чем на самом деле я являюсь, и кому принадлежу. Но короткие глотки свободы, что я делал, не стоили жизнью моих избранниц. Однако, получал от них то, к чему стремился – короткое забвение. Цинично и жестоко.

Мое приближение к ним все равно, что оглашение приговора.

Я их использовал. Всегда. Мирель. Франческу. Потом Сару. И только в первый раз я мог оправдать себя тем, что не мог предугадать, что Лайтвуд зайдет так далеко. Но я даже не пытался оправдать. Ни с Мирель. Ни с другими.

Я научился принимать себя таким, какой я есть и не противиться своим желаниям и потребностям, даже если они будут стоить кому-то жизни.

К черту! Никого не интересовала моя жизнь, почему я должен беспокоиться о чьей-то? ***

Мы встретились в кафе на набережной. Андреа позвонила мне через три дня после похорон Мика Купера, на которых мы и познакомились. Я оставил ей свой личный номер, который знали только избранные, но только вернувшись в отель, где временно жил, осознал, какую глупость совершил. Андреа Памер – совсем еще юная девушка. Мне ли не знать, чем чревато появление нового женского лица в моей жизни? Я не собирался трахаться с ней, хотя не могу сказать, что не думал об этом все три дня, что ждал ее звонка. А я ждал, черт побери. Если бы не ее возраст, меня бы ничто не остановило, даже потенциальная опасность для жизни девушки.

Она пришла первая. Стояла, в нетерпении покусывая губы, переступая с ноги на ногу и сжимая в руках маленькую сумочку, которую явно стащила у старшей сестры, как и маленькое черное платье, которое прибавляло ей пару лет, подчеркивая стройные изгибы юного тела. Я какое-то время наблюдал за ней через тонированные окна автомобиля, припарковавшись неподалеку. Ее темные волосы были распущены по плечам, завитые в упругие кукольные локоны. На чувственных губах яркая помада, которая ей не шла. Мне нравились ее синие большие глаза и красивое тело. Хрупкие плечи, тонкая талия, налитая грудь, длинные ноги, изящные запястья. Парни, проходя мимо, оценивающе глазели, оборачиваясь на нее. Еще бы... посмотреть есть на что.

– Мне так неловко, что я позвонила первая, – смущаясь, сказала она, когда я подошел к ней. Я не принес цветов, чтобы Андреа не напридумывала себе лишнего. Это не свидание, и

я должен дать ей понять, что между нами ничего не будет. Я, вообще, не собирался идти, но соблазн оказался сильнее. Запретный плод всегда сладок.

И уже тогда я начал искать повод задержать Андреа в своей жизни. Мне слишком нравилось, с каким неподкупным восхищением и детской влюбленностью она смотрела на меня.

Никто и никогда до нее не боготворил меня так рьяно, так искренне, даже слегка навязчиво, с ноткой фанатизма. Но мне нравилось. Я позволял ей лепить из меня кумира, фантазировать о человеке, которым я никогда не был, осознанно питая девичьи мечты, вместо того, чтобы оставить ее в покое.

Я осознанно шел на риск, хотя рисковала всегда только она. Андреа Памер, семнадцатилетняя девушка, которая думала, что влюбилась в простого офисного сотрудника, который работает в одной компании с ее сестрой.

– Не хочу, чтобы ты думал, что для меня это в порядке вещей... – продолжала оправдываться девушка, когда мы сели за столик. Она так мило краснела, глядя на меня своими фантастическими глазами.

– Что именно? – уточнил я, подзывая официанта и диктуя заказ для нас двоих.

– Звонить парням, – пояснила тихо Андреа, когда официант отошел от нашего столика.

– Я ни о чем таком не подумал, но твой звонок меня удивил, если честно.

– А зачем ты оставил мне номер?

– Из вежливости. Там была еще твоя мать.

– Ты же не думал, что мама станет тебе звонить? – хихинула Андреа, я пожал плечами, снисходительно улыбнувшись.

– Ситуации бывают разные.

– Ты шутишь?

– Нет.

– Я чувствую себя дурой, – поблднев, произнесла она после небольшой паузы, глядя в сторону.

– Перестань. Ты позвонила, я пришел. Не усложняй, Андреа, – мягко произношу я.

– Мне захотелось поговорить с кем-то, кто знал Мика, и ты работаешь с Марией. Она в последнее время стала такой замкнутой. А я... я чувствую себя одиноко.

Официант приносит мне виски, а моей спутнице молочный коктейль. Девушка хмурится, глядя на меня сквозь опущенные ресницы. Черт побери, я впервые вижу столь сексуального юного ангела.

– Я не ребенок. Могу тоже выпить... бокал вина, – сказала она, вздернув подбородок.

– Можешь, – кивнул я. – Но не со мной. Хочу пояснить, что Мика я почти не знал. Но с Сашей приходится часто работать вместе. Если хочешь что-то узнать о своей сестре, то лучше поговори с ней, а не со мной.

– Она не очень-то любит болтать. А после гибели Мика, вообще, ушла в себя. Он так любил ее, и нам всем казалось, что после его развода, у них появится шанс. Та история с Джейсоном Доминником, ты, наверное, слышал, все газеты кричали о его скандальном романе с Марией, она изменилась.

– Мы все меняемся, Андреа. Становимся старше. Это вполне нормально, и тебе стоит дать ей время. Саша придет в себя. Вот увидишь, – пообещал с натянутой улыбкой.

– Тебе кажется странным, что я пришла сюда и задаю эти глупые вопросы о моей сестре?

– Нет, – качаю головой. – Вы обе пережили трагедию. Тебе необходимо выговориться, пообщаться с кем-то, кто находится вне сложившейся ситуации.

– Да, так и есть, – кивнула Андреа, распахнув ресницы. Ее взгляд изучал мое лицо с детальной подробностью. – Ты не американец?

– Нет. Мой отец сицилиец, мама – русская. Родился и вырос в России, – сухо сообщаю я. Только факты. Ей не нужно знать больше.

– Как попал в Америку? – с любопытством спросила девушка.
– Я живу не здесь, Андреа. Приехал на несколько месяцев по работе.
– Твои родители остались в России?
– Мои родители умерли, когда мне было пятнадцать, но я не хотел бы говорить о них сейчас. Расскажи мне о себе, Андреа. Как живут юные семнадцатилетние девушки в Нью-Йорке? Как проводят свободное время?

– Ничего особенного. Колледж, уроки, подготовка к экзаменам... – девушка тяжело вздохнула, нахмутив лоб.

– Я спрашиваю про свободное время, – улыбнувшись, напомнил суть вопроса.

– А, ты про студенческие вечеринки и свидания? На вечеринки я не хожу, а свидания... Тема сложная. Странно, что мы вообще об этом говорим.

– Нет, не смущайся. Можешь быть предельно откровенной.

– У меня был парень. Но мы недавно расстались, – помрачнев, ответила Андреа, явно чувствуя себя некомфортно.

– Может быть, все еще наладится?

– Мы ездили вместе отдыхать, и там поссорились. Не уверена, что хочу продолжать отношения. Джек – он... просто мне не подходит.

– Ты еще встретишь подходящего, Андреа. Такая красивая девушка не останется без внимания.

– Наверное, ты всем это говоришь, – смущенно улыбается она. У нее на лице написано, как ей льстят мои слова.

– Я не собираюсь тебя соблазнять, если вдруг подобное пришло тебе в голову, – безжалостно разрушаю ее надежды я. Выражение лица Андреа резко меняется.

– Почему? – с искренним недоумением, спрашивает она.

– Тебе семнадцать лет, малышка. Ты несовершеннолетняя, и если бы я имел на тебя виды, это могло бы мне грозить судебным иском.

– Дело только в возрасте? – потерянно спрашивает девушка. Ее пухлые губки капризно поджимаются, когда я отрицательно качаю головой.

– Давай сразу договоримся, – наклоняясь немного вперед, произношу я, почти отеческим тоном. Из того, что я скажу дальше нет ни слова правды. – Если тебе нужен собеседник и дружеское плечо, то ты можешь позвонить мне снова. Но это все, что я могу тебе предложить. И, кстати, не стоит говорить сестре о нашей встрече, потому что в обратном случае она точно станет последней.

Андреа Памер с минуту молчит, пока официант расставляет перед нами тарелки с закусками.

– Хорошо, я согласна, – вздохнув, произносит девушка, двигая к себе салат. – И Мария ничего не узнает. Я понимаю, как это смотрится со стороны. Ей не понравится, она скажет маме... Ты прав. Как на счет экскурсии по Нью-Йорку? Если ты приехал недавно, то, наверное, ничего еще толком не видел?

– Я не против.

– Завтра? – сияющие глаза вопросительно замерли на мне. Я невольно улыбнулся.

– Нет, я завтра работаю. Давай в субботу?

– Отлично. Начинаю считать дни... ой, – залившись краской, Андреа прижала ладошку к губам.

Мне было понятно уже тогда, что девочка влюбилась в меня, но, вместо того, чтобы поступить правильно и прекратить наши встречи, я, как последний идиот, вместе с ней считал дни.

Нелепо, вы скажете. Снова и снова повторять одну и ту же ошибку, играть чужими жизнями, ради собственной прихоти.

Но мне, прогнившему до основания, испорченному, не знающему границ и запретов, совершенно аморальному, бесчестному и помешанному на своей мести Лайтвуду, так хотелось видеть в глазах семнадцатилетней девушки отражение другого человека. Притвориться, хотя бы на пару часов в неделю, парнем, которым я мог бы стать, если бы десять лет назад мою семью не выследили ищейки конгломерата «Изида», международной мафиозной структуры, центра мирового зла.

Конечно, я понимал, что наши встречи не сделают меня лучше, что каждая новая минута рядом со мной для Андреа – еще один шаг к краю, но остановиться было невозможно. Я уже плел свою паутину, затягивая ее, запутывая и погружая в кошмар, в котором варился сам уже много лет.

Мы встретились в субботу, как и договаривались. Целый день гуляли по Бруклину, болтая обо всем на свете. Конечно, смотреть там особо было нечего, кроме пресловутого Бруклинского моста, по которому мы брели уже под утро, совершенно не чувствуя себя уставшими. Удивительно, но, когда мы были вместе, я совершенно не ощущал разницы в возрасте. Андреа не казалась глупой, не смотря на юные годы. И с ней действительно было легко и интересно. Она рассказывала о своих мечтах, о бывшем парне и проблемах с родителями. Обыденные вещи, но для меня ее маленькие проблемки и сложности были как глоток свежего воздуха. Если бы я рассказал о своей юности, она пришла бы в ужас или еще хуже – отвернулась с отвращением. И мне сложно было бы осудить ее, наивную, милую, чуткую девочку, повстречавшую на своем пути испорченного подонка, вроде меня. Неважно, что сделало меня таким. Важно то, что меняться я не собирался.

Глава 2

Франческа... Это все, что я знал о ней – имя.

Вторая, с кем я осмелился встретиться больше одного раза.

Лайтвуд привез меня на Гаити во время каникул в Принстоне. Я не собирался уезжать, думал остаться в университете, чтобы готовиться к следующему году и работать, но Генри не спрашивал о моих желаниях. Потому что у него были свои, которые шли вразрез с тем, что хотел я. Там он впервые рассказал о своих планах ввести меня в «Изиду», сделав одним из своих приемников. Первой была Изабелла Пирс, его племянница. Единственная женщина, которая была ему безразлична, единственная, кому он доверял и чье мнение ценил. Исходя из того, как Генри поступал с моими женщинами, я уже знал, что однажды воспользуюсь его маленькой слабостью.

Карибское море меня не радовало, потому как соскучившийся Лайтвуд, был хуже акул, которые водились в прозрачных водах. Я занимался серфингом, когда Генри не занимался мной.

У меня вызвало отвращение даже то, как он мешал ложкой сахар в чашке. Лайтвуд не был дураком, надо отдать ему должное – он один из самых умных ублюдков, которых мне доводилось знать в жизни. Ум, власть и миллиарды. Попробовать противостоять ему мог только смертник. И я был им, пока не придумал собственный план. И, наверное, вера в то, что я смогу однажды воплотить его в жизнь, придавала мне силы продолжать дышать с ним одним воздухом. Но свои чувства я скрывать был не в силах, и, разумеется, Лайтвуд наказывал меня. Он воспринимал мое неприятие его, как вызов. Или просто искал повод. Избить до невменяемого состояния, а потом все равно сделать то, ради чего он забрал меня из борделя в Германии.

Можно ли привыкнуть к той жизни, в которой я варился с тех пор, как погибли родители? Никогда...

Приспособиться – да.

Построил внутри себя не стены, как делают многие, а крематорий, в котором я сожгу однажды всех, кто пользовался мной, словно одноразовой игрушкой для своей потехи. И это не пустые слова, не обещания, которые я даю себе, чтобы не сойти с ума. А твердая уверенность и фиксирование цели.

Франческа была моим тренером по дайвингу. Спортивная и раскрепощенная любительница острых ощущений. Я погружался всего пару раз. Куда чаще мы трахались в лодке, уплывавая в открытое море. Конечно, она не догадывалась, что Лайтвуд вовсе не мой дядя, как он себя везде представлял, если мы показывались вдвоем в обществе. Мне казалось, что открытое море является отличным укрытием для курортного романа. Но ошибся. Через неделю, после того, как мы сделали первый заплыв, с Франческой произошел несчастный случай. Во время погружения, что-то пошло не так. Она опустилась слишком глубоко и не смогла подняться на поверхность. Потом выяснилось, что оборудование было повреждено. Ей не хватило кислорода...

В тот вечер, когда узнал о гибели Франчески, Лайтвуд был удивительно тих и спокоен, и даже не пытался домогаться меня. Сказал что-то вроде «я тебя предупредил», и ушел спать в свою спальню.

Я напивался на террасе, глядя, как волны набегают на берег, чувствуя себя пойманным в клетку зверенышем, который едва сдерживается от того, чтобы вцепиться зубами в глотку своему тюремщику. Прямое нападение слишком предсказуемо, и я не выиграю, если покажу свою слабость и отчаяние.

У меня были такие моменты, когда я переставал верить самому себе и поставленной цели. Хотелось сдаться, шагнуть в волны Карибского моря, вслед за Франческой, но я вспоминал о том, что уже пережил, и не мог позволить остаться безнаказанными тем, кто был в этом повинен.

Я смотрел на море, кожей ощущая свежий соленый воздух и мысленно прощался с Франческой, своим вторым призраком.

Весь следующий день я провел бесцельно гуляя по острову, пока не наткнулся на лавку с травами, баночками, свечами и амулетами, где улыбчивый афроамериканец предложил мне средство, которое поможет избавиться от моей хандры.

– У любого врага есть слабое место, парень, – улыбаясь беззубыми ртом, на ломаном английском, сказал продавец, протягивая крошечную стеклянную колбу. – Нужно только выбрать момент. Бесплатно дарю тебе. Вижу, тебе нужнее. С умом используй.

– Что это? – недоверчиво, и с долей скепсиса, разглядывая мужчину без возраста в пестрой одежде и подведенными глазами, спросил я.

– Яд кураре. Мучительная смерть. То, что нужно. – Продавец улыбнулся еще шире, кладя пузырек в мою протянутую ладонь. – Надолго хватит.

Утром я встал с больной головой, набравшись накануне до отключки, и мне казалось, что история на рынке приснилась, пригрезилась в пьяном дурмане, как и чернокожий колдун, но, проверив карманы, я убедился, что и лавка, и продавец с загадочными черными глазами, смотревшими мне прямо в душу, были реальны.

Через год, получив диплом, я заказал часы с секретом для Лайтвуда. И именной надписью, которая гласила: Acta est fabula.

***

Это были по-настоящему странные дни, плавно переходящие в ночи, которые никогда не заканчивались в постели в моем номере. Андреа заразила меня своим юношеским азартом. Оптимизмом, неумной энергией, я, порой, сам не понимал, как ей удавалось вытащить меня из проржавевшего образа циничного ублюдка, с которым я почти сросся. Ее громкий, заливиственный смех еще долго звучал в голове, когда я возвращался в свой номер, и пытался вспомнить, когда в последний раз хотя бы улыбался. Вот так, как она, открыто, радостно распахнув объятия миру, доверчиво и бесстрашно глядя в будущее.

Мы встречались чаще, чем я мог себе позволить, чтобы не навлечь подозрения и гнев Лайтвуда. Но не так давно он дал мне слово, что уберет от меня слежку взамен на мое обещание не пренебрегать его вниманием, и не пытаться сбежать из-под его покровительства.

Верить его слову было наивно с моей стороны, но я знал Лайтвуда немного ближе, чем другие люди. Он не давал обещаний, которые не собирался держать. И, в то же время, я уверен, что, почувствовав опасность, он тут же вернул бы своих ищек, чтобы контролировать каждый мой шаг, хотя, на самом деле, в этом не было нужды. У него был козырь, против которого я пока был бессилен.

Андреа постоянно звонила мне без всякой причины, просто пожелать хорошего дня или пожаловаться на ректора, который занижает ей оценки. Бесконечные звонки в любое время дня и ночи... даже когда я был в офисе, с Лайтвудом или вынашивал свои глобальные планы по сокрушению Лайтвуда, с которым приходилось делить слишком многое. Пару лет назад, я совершил катастрофическую ошибку, которая двинула исполнение поставленной цели на неопределенный период, но встреча с Андреа вдохновила меня, поселив во мне идеи, которые, я был уверен, приведут к успешному финалу моей игры. В какой-то момент, я понял, что могу совместить приятное с полезным, нанести удар в стан врага, и получить девушку, которая вызывает во мне шквал противоречивых эмоций.

О ней я не думал, как и о последствиях своего плана для нее. Андреа стала милым развлечением, которое отвлекало меня от тяжелых будней, и еще одной пешкой в моей партии, которую начал очень давно, но никак не мог закончить.

А Андреа нравилось думать, что она открывает мне Нью-Йорк с новой стороны (и отчасти так и было), с азартом рассказывая о тех или иных его достопримечательностях, таская меня за собой по всем закоулкам и значным местам города. Каждый новый день был наполнен огромным количеством мест, которые, по ее мнению, мы обязаны были посетить. Ей невозможно было сопротивляться, да я и не хотел. Мне нравились наши сумасшедшие прогулки, которые Андреа планировала со свойственным ей энтузиазмом. Парк Хай Лайн был вторым пунктом в ее программе. Мы несколько часов бродили по закрытой надземной ветке метро, располагающейся на высоте десяти метров от поверхности земли. Теперь это был высокотехнологичный парк посреди огромного мегаполиса, где можно было ненадолго отвлечься от городского шума и бесконечного потока машин и людей. Андреа рассказывала, что мечтает стать архитектором, и поэтому ее вдохновляли необычные места и строения. Она могла часами говорить о своем пристрастии, и о том, каким был бы город ее мечты, если бы однажды ей позволили его спроектировать.

В следующий раз, который случился уже через сутки, мы катались в кабинке канатной дороги «Трам» вместе с сотней шумных туристов. Меня не покидало неприятное ощущение, что на меня пялятся все, кому не лень, а она подпрыгивала от восторга, глядя на панораму города внизу. После, она затащила меня в пиццерию, где мне пришлось есть пищу, к которой я не привык и пить пиво, которое никогда не пил. Андреа хохотала до упаду, когда я с умным видом начал рассказывать ей о правильном питании и вреде фастфуда. Я не мог понять, что смешного в моих словах, пока она не показала мне маленькое зеркальце. Усы из пивной пены «украшали» мое лицо, пока я пытался умничать. Я чувствовал себя неловко, а она, заметив мое смущение, только громче смеялась, держась за живот.

– Дино, ты точно с другой планеты, – захлебываясь смехом, говорила она, не осознавая, как, на самом деле, близка к истине.

Следующей, по плану Андреа, стала музейная миля и ее любимый дворец Фрика с его необычными залами и композициями. Мы добирались туда на метро, и могу признаться, что это был мой первый опыт поездки на общественном транспорте. Она не могла передвигаться спокойно, и мне приходилось бежать за ней, непоседливой, сумасшедшей девчонкой, которая с сияющими глазами расписывала всю уникальность дворца, восхищаясь фантазией и умением архитектора, приложившего руку к созданию палатца, но совершенно обошла вниманием шедевральные полотна Чимабуэ, Пьеро де ла Франческо, Эль Греко, Гойи и Рафаэля, Пикассо и Пуссена.

Для встреч с Андреа, мне приходилось брать самый простой автомобиль из парка, который постоянно обновлял Лайтвуд. Сложная задача, при том, что Генри обожал самое эксклюзивное и дорогое. Темно-синий БМВ не выглядел так помпезно, как Астон Мартин, Бугатти или Ягуар, имеющиеся в моей коллекции, и я решил, что он больше всего подходит для менеджера среднего звена, которым считала меня Андреа Памер. Автомобиль не был единственной сложностью. Приходилось тщательнее выбирать одежду, чтобы избежать ненужных вопросов, отказаться от дорогих аксессуаров и люксовых ресторанов, в которых я привык питаться. Мне повезло, что она была слишком увлечена своими экскурсиями и не лезла ко мне с вопросами.

Я не знаю, почему она выбрала именно меня на роль слушателя, но замечал, как, раз за разом, она раскрывается и расцветает, делясь своими мыслями, идеями, мечтами. В семнадцать лет люди нуждаются в ком-то, кто готов их слушать, и они идеализируют выбранные на эту роль объекты. Ей необходимо было быть понятой, и я создавал обманчивое впечатление соучастия ее буйным юношеским фантазиями. На моем месте должен был быть другой парень, или подруга, или сестра, родители, да кто угодно... Но, как и у меня в мои семнадцать, рядом с

Андреа не оказалось никого. Она была одинока по каким-то непонятным мне причинам, непонятая и неслышанная, уязвимая, хрупкая, отчаянно нуждающаяся в том, чтобы ее любили.

Лучистая. Это первое, что приходит в голову, когда вспоминаю о ней за завтраком в ресторане отеля, или, когда лечу с Лайтвудом на очередные переговоры в качестве его личного помощника. Уверен, Генри без раздумий убил бы ее, узнав, что не ему адресована моя улыбка, когда я смотрю сквозь него, вспоминая, как маленькая Андреа танцевала под звуки саксофона в Центральном парке, строя мне забавные гримасы, пока я ел ее мороженное.

И когда мы оказываемся в Цюрихе, в одной из штаб-квартир конгломерата, я вычеркиваю воспоминания о юном личике Андреа, превращаясь в того, кем являюсь на самом деле. С тех пор, как я влился в «Изиду», став одним из его законспирированных участников, за мной закрепилось прозвище, которое никто ни разу не бросил мне в лицо, но я знал... Обладая властью и покровительством Генри, я всегда знал немного больше, чем остальные.

«Сучка Лайтвуда».

В «Изиде» не было ни одного человека, который не ненавидел бы меня, считая дни до полного охлаждения Генри. Немногие знали о его пристрастиях, но те, кто был в курсе, отчаянно ждали момент, когда смогут поставить меня на место. Но были и те, кто завидовал ему.

Я не знаю, что было во мне такого, но, изо дня в день, мне приходилось отбиваться от назойливого внимания мужчин и женщин, которым непременно хотелось пополнить свою личную коллекцию экземпляром, которым так дорожил Генри Лайтвуд. И я позволял им делать это. Не потому что хотел, а потому что был уверен, что Лайтвуд узнает, и ничего не сможет сделать, давась от бессильной ярости. После смерти Сары, я не связывался с обычными людьми, которых он мог убрать одним кивком головы. Моими разовыми любовниками теперь были самые могущественные личности, обладающие не меньшей властью, чем Лайтвуд.

За каждую «измену» он по-прежнему мстил мне обычным способом. И, спустя годы постоянного физического насилия, я перестал ощущать боль, как дискомфортный аспект. И даже синяки на моем теле заживали быстрее, чем в пятнадцать лет.

Если человеку необходимо выжить, если у него есть цель – он непременно сделает это, даже если в конце от него самого ничего не останется.

Глава 3

Андреа

Мы смотрели «Пятьдесят первых поцелуев» в Brooklyn Bridge Park – в кинотеатре под открытым небом. Было трудно уговорить его пойти в столь многолюдное место. Я давно заметила, что Дино не из тех, кто любит толпу, и старалась найти для нас уединенные места, но выходило по-разному. Нью-Йорк – город одиноких сердец, но, на самом деле, побыть в одиночестве удается с трудом. Огромный мегаполис, как муравейник, где никому до тебя нет дела, где каждый суетится, пробегая мимо, не обращая внимания на окружающий мир. Я давно привыкла к ритму Нью-Йорка, наверное, потому, что выросла здесь. Я отправила Дино в бар за моим любимым фисташковым мороженым и напитками. Несмотря на жаркий день, вечер выдался прохладный, и сидеть на траве, несмотря на то, что подо мной лежал еще и плед, было не очень комфортно.

Я не бросила ни одного взгляда на огромный экран, зная наизусть фильм про девушку, которой каждое утро приходилось заново знакомиться со своим парнем, а потом уже и с мужем, отцом своих детей, которых она тоже забывала... Страшная история, на самом деле. И подана, как комедия вначале, незаметно для зрителя переходящая в трагедию. Я плачу каждый раз, когда смотрю этот фильм. Сама не знаю, почему. Просто представляю кошмар, с которым день за днем просыпается героиня, и не могу успокоиться. Но все равно смотрю. И Дино притащила, чтобы разделить с ним свои чувства. Мне, почему-то, жизненно важно делиться с ним всем, что хотя бы немного волнует меня, тревожит или радует. Может быть, со стороны я выгляжу глупо, бегая за взрослым мужчиной, названивая ему днем и ночью, уговаривая каждый день на новое свидание. Дино никогда не признает, и высмеет меня, если я вслух произнесу слово «свидание». Не знаю, зачем он, вообще, со мной связался. Может быть, ему скучно в городе, где он никого не знает, или просто пожалел глупую дурочку, которая ходит за ним, как навязчивый бездомный котенок, заглядывая в глаза и жадно улавливая каждое слово.

Я не смотрю на экран, не потому что знаю сюжет и мне уже неинтересно, я не могу думать ни о чем, кроме Дино Орсини, выискивая среди сидящих на траве парочек его высокую, стройную фигуру. Глупая! Сама же отправила его за мороженым. Мне так нравилось, когда он проявлял заботу, хотя бы в мелочах, хотя бы по моей просьбе, высказанной в умоляющей манере малолетней идиотки.

Идея с открытым кинотеатром ему сразу пришлась не по душе. Но я так красноречиво расписывала ему прелести бесплатного развлечения, что у него просто выхода не оставалось. И вот теперь мне казалось, что он сбежал. Однажды, он уже сделал это...

Три недели назад, мы гуляли в Центральном парке, считая его, совершенно не похожие друг на друга, мосты, мимо замка Бельведер, катались на лодке по озерам, любуясь видами «Маленькой Венеции». Потом я пригласила его на очередной небольшой пикник прямо на лужайке в парке. Мне нужно было вернуться домой еще два часа назад, чтобы подготовиться к экзаменам, но я не могла оторваться от Дино Орсини, одержимая им до такой степени, что самой становилось страшно. Мы гуляли до поздней ночи, я мечтала взять его за руку, и он ел мое мороженое. Наткнувшись на печального саксофониста, который играл что-то надрывное и лирическое, я принялась танцевать. Он улыбался, наблюдая за мной со стороны, не оставляя ни единой надежды, что от моего мороженого мне достанется хотя бы кусочек. Я дурачилась, кружась вокруг своей оси, как заведенная балерина, строя ему озорные рожицы, приподнимаясь на носочки и совершая па, которые прежде никогда не делала. Мне нравилось, когда он улыбался. Словно другой человек, более юный и беспечный, смотрел на меня, и я готова была сделать все, чтобы это мгновение длилось, как можно дольше. Ведь это была такая редкость, почти счастье – его улыбка. Я не могла оторваться от его выражения лица в эти короткие мгно-

вения, и позже, уже дома, спрятавшись под одеялом, плакала от избытка чувств, вспоминая, как лучики крохотных морщинок бегут от уголков его выразительных черных глаз, когда он улыбается мне. Я ненавидела его телефон в те минуты, когда не я ему звонила. Звонки извне, на которые он всегда отвечал, отходя в сторону, превращали его в какого-то другого человека, пугающего мрачного незнакомца, но потом он возвращался, убирая телефон в карман пальто или брюк. Но не в тот раз. Дино сказал, что ему срочно нужно уехать, вызвал мне такси и отправил домой. А потом пропал на три недели, словно его и не было никогда.

Я звонила миллион раз, но длинные гудки были единственным ответом, который я получала.

Я не знала о Дино Орсини ничего, кроме того, что он сказал мне еще в нашу первую встречу. И, признаться, боялась узнать больше. Не было ни малейшей зацепки, кроме моей сестры, которая могла бы приоткрыть завесу тайны, но к Марии я не могла обратиться, не желая подводить доверие Дино. Он был из тех мужчин, взглянув на которых только один раз, никогда не забудешь. Несмотря на внешнюю замкнутость, холодность и высокомерие, которое он пытался маскировать под снисходительность, я чувствовала, внутри него живет буря, которая способна сокрушить любого, кто встанет на пути. А еще он обладал мощной энергетикой, которая притягивала к себе, как магнитом, взгляды незнакомцев. Поначалу меня это смущало, раздражало, а потом я смирилась, вспоминая, как сама пялилась на него, когда увидела впервые.

Вот и сейчас мое сердце замерло на пару секунд, чтобы потом помчаться вскачь, галопом, обгоняя скорость света, я едва успевала дышать, глядя, как он идет между парочек, которые сначала с раздражением смотрели на помеху, а потом застывали в потрясении, провожая его любопытными взглядами. Невероятный магнетизм и бьющая в глаза экзотическая красота, которая казалась настолько нереальной, фантастической, искусственной, что хотелось задержаться на нем взгляд; убедиться, что недостатки и следы вмешательства пластического хирурга в совершенство его черт есть; искать их и не находить. Он родился таким, но его красота не воспринималась бы настолько мощно, если бы не обладала мрачной, чувственной энергией и словно тяготила его.

Они все на него пялились – мальчики, девочки, мужчины женщины, старики. Дети. И я... я тоже.

Мне повезло – я смогла дотянуться до солнца, прежде, чем сгореть.

Дино

– Ты пропустила самый интересный момент, – иронично заметил я, откусывая от ее мороженого. Я постоянно это проделывал. Покупал одно мороженое, только для Андреа и почти всегда съедал его. Черт его знает, почему именно ее мороженое мне казалось вкуснее. Андреа в очередной раз «залипла» на мне, забыв о происходящем на экране, и я хотел вернуть ее в реальность. Хотя бы ненадолго... Я знал, что больше пяти минут она не выдержит, снова вопьется в меня своим горящим взглядом, словно мое лицо для нее куда интереснее фильма, который она назвала своим любимым.

– Где ты был? Три недели... я звонила тебе, – тихо прошептала Андреа, но я услышал, хотя и не отвел взгляд от большого экрана.

– Я знаю. Несколько сотен пропущенных вызовов и столько же сообщений. Ты очень настойчива.

– Ты мог написать хотя бы одну смс...

– Если бы мог, то написал бы, – произношу я безапелляционным тоном. Мне не хочется вспоминать, как я провел последние три недели, но Андреа делает именно это – вытаскивает заблокированные воспоминания, заставляя переживать заново неприятные моменты.

– Ты так и не сказал, где живешь... И что это за работа такая, что ты не можешь ответить на звонок. – Ее взгляд впивался в мои черты, но я не боялся показать ей больше, чем обычно позволяю увидеть людям, с которыми не намерен быть откровенным.

Пожимаю плечами, отбирая у нее мороженое и откусывая большой кусок, а потом возвращаю обратно. Она пристально смотрит на меня. Ожидая ответа. Настырная маленькая девочка.

– Я живу там, где работаю, Андреа. Пока я занят в Нью-Йоркском офисе. Я живу здесь.

– Один?

– Что, прости?

– У тебя есть кто-то? Девушка, жена...

– Я похож на женатого человека? – повернув голову, я невольно улыбнулся ее абсурдным предположениям.

– Ты похож на парня, который каждую ночь проводит с новой девушкой, – с горечью произносит малышка Памер.

– Ты думаешь, что я скажу: «Ты ошибаешься, Дреа»? Точнее, ты хочешь, чтобы я это сказал. Но я пропущу вопрос, – отвечаю нейтральным тоном. Мороженое тает в вафельном стаканчике, капая на ее джинсовую юбку и на голые ноги, стекая по внутренней стороне бедра... о, черт. Меня бросает в жар, пока я пялюсь на ее стройные, длинные ножки с каплями подтаявшего мороженого, и не могу не думать... Бл*дь, я точно извращенец, ничем не лучше Лайтвуда. Ей семнадцать, черт возьми. Семнадцать, – напоминаю я себе. Мне было пятнадцать, когда я оказался в Германии, а потом через год попал под опеку к Лайтвуду. В возрасте семнадцати лет, я встретил своего первого Призрака. И я не могу опуститься до уровня Генри. Это он нуждался в юных, невинных телах. И даже сейчас, когда искренне считал, что любит только меня, он не изменял своим наклонностям.

– Почему не я, Дино? – голос ее дрогнул, обиженный взгляд изучающе скользит по мне, выискивая свидетельства моей неискренности.

– Тебе стоит обратить внимание на парней твоего возраста, Андреа, – покровительственно советую я, замечая, как гаснут ее глаза.

– У меня уже был парень моего возраста, и у нас «все» было, – выдает она, с вызовом уставившись на меня. Словно я не догадывался, что девушки могут делать со своими парнями, если едут в совместное путешествие вдвоем. Куда, черт возьми, смотрели ее родители? Этот Джек мог заделать ей ребенка, или еще что-нибудь выкинуть, пострашнее.

– Я смотрю, ты гордишься своим опытом, – с сарказмом заметил я. На самом деле, мысль о том, что кто-то уже раздвигал эти ножки, меня раздражала. Я мог сколько угодно убеждать себя, что мое решение не прикасаться к ней нерушимо, но подобные ее фразы давали мне лазейки, которыми я мог воспользоваться, чтобы обойти свои немногочисленные принципы.

Она не была девственницей и ее сексуальное влечение, направленное в мою сторону, было настолько откровенным, что только слепой бы не заметил. И она намеренно соблазняла меня, день за днем одеваясь все откровеннее. Невозможно было игнорировать ее короткие юбки и прозрачные блузки, призывные взгляды, которые она бросала мне, чувственные, многозначительные улыбки... Ей не нужно было ничего изображать. Она хотела меня и не считала нужным скрывать свои желания. Не знаю, как я держался. И как буду держаться дальше. Ведь впереди самая тяжелая и ответственная часть плана, отведенная Андреа.

Андреа

Это был первый раз, когда он пригласил меня в ресторан. На самом деле, праздновать было нечего. Моя успеваемость и отношения с сокурсниками летели к черту. Мне грозило отчисление за «хвосты», которые я никак не могла сдать, потому что могла думать только о Дино. И днем, и ночью только о нем. Приходила после наших прогулок, открывала учебники и не видела строк, пребывая в состоянии протрации и одержимости мужчиной, который был

намного старше, опытнее и видел во мне лишь ребенка, который развлекал его в свободное время. Черт, я даже не знала, сколько ему лет. Я совершенно запуталась в том, что происходило между нами. Пыталась понять его мотивы и не могла, принимала решение плыть по течению, но страдала от того, что Дино отказывается видеть во мне девушку. С каждой новой встречей увязала в своей привязанности и сумасшедшей влюбленности. Пару лет назад, я была безумно увлечена Робом Стюартом, известным актером, который носил титул секс-символа, и полгода назад мне даже довелось попасть к нему на съемки, благодаря сестре, вхожей в круги «небожителей», и меня ждало одно огромное разочарование. Кумиры редко оправдывают ожидания, когда встречаешь их вживую. Скользкий, пошловатый тип с помятой, самодовольной физиономией и замашками мачо. Я уже тогда встречалась с Джеком, и его, мне казалось, тоже любила, но как реального человека, а не лицо с обложки. И снова, спустя год отношений, меня ждал крах и полное охлаждение. Да, у меня был своеобразный опыт, я влюблялась, имела долгосрочные отношения и даже дважды занималась сексом, но ничего хорошего из всего этого, в итоге, не получилось.

А встретив Дино Орсини, я просто пропала. С одного взгляда и пары вежливых фраз. Может быть, эта увлеченность пройдет, как случилось в предыдущими моими влюбленностями. Но я даже сравнить не могу свои чувства к Дино и Джеку. Все равно, что сопоставить Ниагарский водопад и ручей.

И вот сегодня я решила, что мои молитвы услышаны и Дино, наконец-то, решился на следующий шаг, иначе для чего ему вести меня в ресторан, в место, которое входит в список обязательных к посещению влюбленными. The View – вращающийся вокруг своей оси ресторан, в котором нью-йоркцы любят делать предложение руки и сердца. Конечно, я рассчитывала на что-то более скромное, а может, он просто решил меня порадовать или поблагодарить за то, что я ему показывала НЮ с разных сторон и ракурсов.

Как бы там ни было, но вырядилась я так, словно сразу после ужина Дино повезет меня расписываться в Вегас. Марии, как всегда не было дома, и я залезла в ее гардероб, потому что в моем, кроме джинсов, коротких юбок и футболок с Микки-Маусом, ничего приличного не было. Выбрала золотистого цвета платье на бретельках и с открытой спиной, а еще черные, лакированные туфли лодочки. Мне не хотелось выглядеть, как павлин, но отражение в зеркале не очень-то льстило. У Марии грудь меньшего размера, и на мне ее элегантно платье выглядело слегка неприлично, слишком обтягивая самую выдающуюся часть. Но разве я не собралась поразить воображение Дино Орсини своей сказочной красотой? Надула полные губы и нервно хихикнула. Схватила сумочку с туалетного столика и пошла к дверям, столкнувшись в коридоре с мамой. Она изумленно уставилась на меня, словно не узнала.

– Куда это? На ночь глядя и в таком виде?

– Свидание с Джеком, – соврала я сходу, нервно переступая с ноги на ногу. Туфли носить я не привыкла и уже предчувствовала, что придется возвращаться босиком.

– Вы же расстались? – сложив руки на груди и подозрительно глядя мне в лицо, спросила мама.

– Да. Он позвонил, пригласил на свидание, очень просил дать ему еще один шанс.

– У тебя есть завтра занятия? – не сводя с меня пристального, напряженного взгляда, строго спросила Лаура Памер. Мне еще повезло, что отца нет дома. Мне здорово влетело за тот отпуск с Джеком, но тогда все больше пеклись о Мари, которая судилась в Джейсоном Доминником. Ужасное было время, если честно. Наверное, отчасти поэтому я бросилась в роман с Джеком, чтобы отвлечься от сумасшедшего дома, который происходил в нашей семье. Мари сходила с ума, а я не могла ей ничем помочь.

– Нет, завтра же выходной, – отбрасывая дурные воспоминания, напоминаю я матери.

– А зачем ты намалевала лицо так ярко? Думаешь, красиво? И платье маловато в груди. Ты у Марии спросила, прежде чем взять?

– Что ей жалко, что ли? Для любимой-то сестры... – поканючила я. – Мам, ну, я пойду. Джек так уговаривал, неудобно...

– Чтобы к полуночи вернулась и никакого спиртного. Я буду звонить. Деньги есть на такси?

– Ну конечно. Спасибо, мам. Ты лучшая. – В порыве чувств обнимаю родительницу, целую ее в щеки и проворно лечу к выходу.

Возле дома меня уже ждет желтое такси, которое прислал за мной Дино. Я такая счастливая, что хочется обнять весь мир, крепко-крепко. Сажусь в машину, выключая телефон и бросаю его в сумочку. Не хочу, чтобы кто-то мешал нам сегодня.

Это будет волшебный вечер. Я уверена.

И он начался именно так, как я запланировала. Дино был потрясающе красив. Высокий, безукоризненно одетый, элегантный. Хоть он и не признавался, но я была уверена, что в его семейном древе были настоящие аристократы, иначе откуда такая внешность? Точеные скулы, темные изогнутые брови, полные губы, которые так редко улыбались, и невероятные глаза, фантастические. Сколько я ни пыталась, не могла разгадать, что за страшную вселенскую тайну они хранили за длинными черными ресницами. Сегодня он был в темно-синей рубашке, которая выгодно оттеняла смуглую кожу, черных слаксах, и расстегнутом пиджаке полуспортивного кроя. Меня всегда завораживала его обувь. Мне казалось немного удивительным, что обычный офисный сотрудник может позволить себе мужскую линию «Луи Виттон». Мужчина-загадка. Я знаю, что все девушки и женщины в ресторане мне сейчас завидовали, не сводя с него жадных взглядов.

– Как ты справляешься с этим? – спросила я, когда мы сели за столик, который уже был сервирован для нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.